

АНТИМАЙДАН
БРАТ на БРАТА

Андрей Ваджра

УКРАИНА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

**Мифология
украинской
идеологии**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2015

УДК 94
ББК 63.3
В 12

Оформление серии *С. Курбатова*

- Ваджра, Андрей.**
В 12 Украина, которой не было. Мифология украинской идеологии / Андрей Ваджра. — Москва : Яуза-пресс, 2015. — 320 с. — (Антимайдан. Брат на брата).
ISBN 978-5-9955-0771-0

Украинство всегда существовало в некрофильском предчувствии собственной гибели. «Ще не вмерла Украина» — вряд ли найдется более депрессивный и «заупокойный» гимн, чем бандеровский. Что это за государство, которое гордится не достижениями и процветанием, а тем, что пока еще не сдохло?! И разве может быть у такой страны достойное будущее?

Эта книга доказывает — у нынешней русофобской Украины нет не только будущего, но и прошлого. Эта «Украина» — мираж, фикция, «симулякр», советский мертворожденный проект. Если бы не национальная политика большевиков — ни «Украины», ни «украинцев» просто не было бы. Если бы не советская насильственная «украинизация», порожденное польской пропагандой и австрийским террором «украинство» так и осталось бы маргинальной сепаратистской сектой.

Но без возможности паразитировать на России бандеровское государство-вампир обречено на гибель. И теперь оно бьется в агонии, круша и отравляя все вокруг ядом русофобии. Поэтому главная задача данной книги — показать действительную сущность украинской пропаганды, густо замешенной на лжи и ненависти.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-9955-0771-0

© Ваджра А., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

В моем паспорте гражданина СССР в графе «национальность» стояло лаконичное — «украинец». Аналогичным образом данная графа была заполнена и в главном документе моих родителей, а также дедушек и бабушек. Во времена советской власти мы все официально числились «украинцами». И это касалось не только моей семьи, но и миллионов людей, родившихся в Стране Советов.

Имело ли тогда для меня какое-то значение, каким образом заполнена «пятая графа» в моих документах? Скажу честно — ни малейшего. И не только для меня. Именно поэтому любой советский гражданин мог по собственному усмотрению решить, кто он по национальности. Чукча (при желании) мог стать русским, а еврей — белорусом. Данная формальность ровным счетом ни на что не влияла и по большому счету ничего не значила.

Даже «нечеловеческие страдания» советских евреев (редко тогда называвших себя евреями), воспетые в многочисленных мемуарах и воспоминаниях мигрантов, скорее были фактором особой преференции в виде возможности выезда на ПМЖ за кордон, чем реальной дискриминацией. Во всяком случае, в среде окружавших меня в те годы евреев «нечеловеческих страданий» мне рассмотреть не удава-

лось. Присутствовал у них лишь легкий налет некой стыдливости в отношении своей идентичности. Как у заик, которые стесняются своего заикания. И то не у всех. И вспоминали они о том, что они евреи, лишь при желании покинуть СССР. А так превосходно себя чувствовали и в качестве «русских».

Для русских же, украинцев и белорусов «национальный вопрос» вообще не существовал. Все они были новой общностью — советскими гражданами («строителями коммунизма»). А перед коммунизмом, как и перед Богом, все равны. И если «строитель коммунизма» обязан был обладать неким набором культурных, профессиональных и моральных качеств, то национальная графа ничего от человека не требовала. Лично мне ничего не стоило то, что я был «украинцем». Для этого мне не надо было носить вышиванку, плясать гопак, разговаривать по-украински или, как сейчас, кричать по любому поводу «Слава Украине!». Моя «пятая графа» тем более не требовала от меня нравственного, культурного, физического и интеллектуального напряжения. Моя национальная принадлежность даже не была национальной идентичностью. Она была лишь пометкой в паспорте. А поэтому я мог быть кем угодно, а не только «украинцем», выбрав свою личную «национальность» из списка, где присутствовало более ста двадцати различных вариантов.

Мое равнодушное отношение к собственной «национальной принадлежности» было легко объяснимо. Как личность я формировался на лучших образцах мировой (а значит, мультиэтнической) культуры, а окружающих меня людей классифицировал не по национальности, а по их нравственным и интеллектуальным качествам. Если человек был откровенным подонком или идиотом, идентифицировать его как «своего» я не мог, даже если бы он был сто раз «украинцем». Реальные человеческие качества были для меня более значимыми, чем «пятая графа». Любая

«сука» и любой «даун» автоматически оказывались по ту сторону моей идентичности, несмотря на совпадение пометок «национальность» в наших документах. И эта психологическая особенность осталась со мной на всю жизнь.

Именно поэтому, когда в 90-х годах прогрессивно мыслящую молодежь «нэзалэжной» Украины охватила мода на украинский национализм, я продолжал оставаться абсолютно равнодушным как к своей пометке в паспорте, так и к «великим идеям», внезапно возвеличившим ее до сакральных вершин. Я оставался абсолютно холоден к главным признакам украинскости: вышиванкам, «ридной мове», Тарасу Шевченко, Стефану Бандере, «героям УПА», украинской государственности и прочим очень важным для украинской идентичности атрибутам.

Я не находил оснований гордиться своей «пятой графой». Для меня она оставалась лишь пометкой в паспорте. С таким же успехом я мог гордиться своим полом, местом рождения или любыми другими паспортными данными. Во всем этом я видел лишь факты, но никак не ценности.

Усугубляло данную ситуацию с моим равнодушием к «святыни» и то, что, не сомневаясь в своем украинском происхождении, тем не менее я впадал в экзистенциальную тоску от всего украинского. Каким-то странным образом я видел во всей постсоветской украинскости некую разновидность погибшей в 1991 году советскости, которая характеризовалась для меня таким емким сартровским понятием, как «тошнота».

Украинское радио, телевидение, литература, песни, «умные мысли о главном» и прочее самым коварным образом навевали на меня дикое уныние. От всего этого несло газетой «Правда», докладами ЦК КПСС и пионерско-комсомольскими собраниями, над которыми я с задней парты жестоко издевался при помощи насмешливых комментариев, вынуждая

рядом сидящих одноклассников давиться в конвульсиях смеха. И лишь классный руководитель орлиным взглядом меня испепеляла за мои «идеологические диверсии». Но в те годы по стране триумфально шествовала перестройка, и подобные циничные шалости КГБ уже не интересовали.

А потом рухнул Союз. От 90-х в памяти осталась грязная полка плацкарта, на которой я по дороге на учебу в Киев был вынужден слушать из вагонного динамика прямую трансляцию «руховского» митинга возле Верховной рады, на котором под ликующие вопли толпы выступал Вячеслав Черновол.

Тогда я еще не знал, что это было начало эпохи «пятой графы». Теперь уже не только упадочной, но и кровавой.

К новым веяниям я оказался абсолютно равнодушен. В моих глазах идею всепобеждающей силы национальной принадлежности дискредитировала не только ее тупиковость и бесплодность, но и интеллектуально-нравственные качества ее носителей. Каким-то удивительным образом сознательными («свидомыми») украинцами-активистами почему-то становились либо откровенные подонки, либо законченные идиоты. Причем, как правило, сельского происхождения. В стране произошла резкая смена идей и лозунгов, но их носителями оставались люди советского психотипа, из которых когда-то состоял партхозактив УССР. «Горячая вера» в дело Ленина плавно переросла в «горячую веру» в дело Бандеры. Одни идеологические штампы заменили иными, но при этом сволочи и кретины остались на руководящих постах. Их молодую поросль я имел возможность наблюдать в студенческие годы в университете. Возникло ощущение дежавю. Мне казалось, что советский режим не умер, а просто вывернулся на свою «жовто-блакитную» изнанку.

Все это настораживало и изрядно напрягало. Вера в светлый путь национализма у меня умерла, так и не

родившись, в первый день украинской «незалежності», потому что я видел, как умирал советский режим с его верой в светлый путь коммунизма. Эти пути пролегают в одной тоталитарной колее. В украинстве я видел лишь пародию на советскость.

Гораздо позже я понял, что одинаковое восприятие мной националистического и коммунистического обществ возникало вследствие их одинаковой фальшивости. В независимой Украине, как и в Советском Союзе, говорили и говорят одно, делали и делают другое, а думали и думают третье.

Каким-то непонятным образом я чувствовал, что украинскость это лишь симуляция. Причем симуляция того, чего на самом деле не существует, — симуляция самой себя. Но любая симуляция неинтересна, если человек чувствует или знает, что перед ним именно она. В юности я не был знаком с работами Бодрийяра и не *знал*, что такое «симулякр», но насколько могу судить сейчас, тогда я *ощущал* фальшь украинского симулякра.

Эти ощущения были чем-то похожи на переживания главного героя известной кинематографической трилогии «Матрица», который жил с ощущением того, что «с этим миром что-то не так», с ощущением необъяснимым и ускользающим. Точно так же и я прожил не один год с аналогичным ощущением.

А потом начался период интуитивного поиска. «Красную пилюлю» мне никто не предлагал (да ее и не было), поэтому я сам «на ощупь» принялся разбираться, что именно с этим миром не так. Моим надежным подспорьем была природная любознательность, а толчком — «оранжевая революция». В силу своих профессиональных навыков в конце 2004 года я пришел к выводу о том, что Украина обречена из-за целого ряда субъективных и объективных причин. Но на тот момент у меня не было понимания причин, по которым успешная реализация проекта «Украина» была невозможна.

Чтобы восполнить данный пробел, мне пришлось разобрать официальную версию того, что такое Украина, на составные части, а затем изучить каждый этот компонент с помощью разнообразных источников информации. Прежде всего меня интересовали объективные факты. И чем больше я их находил, тем четче проступали контуры причин, ведущих Украину к неминуемой катастрофе. Это было похоже на заглядывание под маску. Постепенно я начинал видеть тщательно скрываемый лик Украины.

Вот тогда-то мои интуитивные ощущения трансформировались в рациональное мировоззрение. Для меня это тогда стало чем-то вроде индивидуальной экзистенциальной катастрофы, заставившей жить на руинах когда-то навязанных моему сознанию мифов, фантомов и иллюзий.

Что во всем этом было наиболее болезненным для меня? Наиболее болезненным стало понимание того, что я не являюсь тем, кем меня принуждает быть эпоха «пятой графы». Чтобы быть украинцем, мне надо было игнорировать факты. Точнее, моя уже вполне привычная украинскость потребовала от меня наплевать на правду и здравый смысл. Это была главная жертва, которую я вдруг должен был принести на алтарь своей национальной идентичности. И тут уже было важно не то, кем я себя считаю или называю, а то, кто я такой по своей сути. Быть украинцем не трудно. Надел вышиванку, заговорил на «мове», вступил в «Свободу», заорал «Слава героям!», и готово. Трудно себя ломать для того, чтобы быть как все, зная правду. Ведь в этом случае ты станешь не только «украинцем», но и конченным мудаком, готовым предать прежде всего самого себя.

Это специфика нашей души. Сделать подлость легко. Тяжело потом жить с этой подлостью. Ведь ты все время будешь искать себе оправдания, совершая новые подлости. И что после этого от тебя останется-

ся? Что после этого будет с твоей душой (как бы сказал один мой знакомый православный батюшка)?

Выбирая между возможностью быть украинцем и возможностью быть свободным человеком, я выбрал свободу. Но, покинув «Матрицу» украинства, я автоматически стал в нашем обществе изгоем и «недочеловеком». Жить на Украине и находиться вне «Матрицы» украинства уже само по себе преступление. Однако вышиванку я так себе и не купил.

Со своим добровольным остракизмом приходилось мириться, но чем сильнее крепла постсоветская система украинства, тем тотальней она становилась, проникая не только во все поры государственной и общественной жизни, но и в пространство личной свободы. Пометка в паспорте, не имевшая для меня никакого значения, вдруг стала превращаться в некую сверхценность, строго взирающую на тебя с бомбардировочных высот категорического императива вечно возбужденной толпы «свидомых» украинцев.

Вдруг неожиданно выяснилось, что я (как и в советские времена) — ДОЛЖЕН. Должен говорить и думать по-украински, должен любить все украинское, должен гордиться всем украинским, должен быть знательным украинцем, должен наслаждаться творчеством Тараса Шевченко, должен бредить идеями Стефана Бандеры, должен ненавидеть Россию и все русское, должен любить то, что не люблю, и быть тем, чем не являюсь. Иначе говоря, находясь в симулякре, я должен был симулировать свою «украинскость», как это делали большинство окружавших меня русских по своей сути людей.

С каждым новым годом «нэзалэжности» сохранение своего личного пространства и своей индивидуальности превращалось в непростую задачу. Так я с удивлением обнаружил, что разнообразных «должен» в «свободной», «независимой» и «демократической» Украине появилось гораздо больше, чем до

этого их было в Советском Союзе. А главное, от этих «должен» невозможно было нигде укрыться.

Пометка «украинец» в моих документах стала важнее меня самого. Внезапно я оказался приложением к «пятой графе», несмотря на то что из паспорта она исчезла. Это вызывало раздражение. А раздражение, в свою очередь, порождало желание установить на подоконнике пулемет. На тот момент у меня уже не было ни малейшего сомнения, что рано или поздно пулеметы в окнах жилых домов появятся. Все шло именно к этому.

Однако я решил идти другим путем. Как давно известно, хорошо сказанное слово — страшнее пулемета. Тогда я рассуждал, что если меня, мою личную свободу спасла правда, то она может спасти и других. Убить человека, превращенного в агрессивного зомби, не сложно. Но это то же самое, что рубить головы Гидре, у которой вместо одной отрубленной вырастают десять новых. Поэтому, как я тогда рассуждал, бить надо не по людям, а по «Матрице». Только разрушение «Матрицы» может сделать их свободными. Человеческая свобода в душах людей. Помогите душе человека стать свободной, и он сам разрушит любой концлагерь. В том числе и тот, которым стала нынешняя Украина.

Именно поэтому в марте 2007 года на страницах одного из российских сетевых изданий появился текст первой моей беседы с его главным редактором, посвященной украинской тематике. Всего вышло шесть бесед. Заключительная была опубликована в июле 2008 года.

С учетом того, что мои рассуждения и выводы не просто полностью противоречили привычным стереотипам об Украине и украинцах, а ломали их до основания, я сознательно снабдил весь используемый мною в беседах фактаж источниками, из которых я его взял. Это позволяло каждому читателю самостоятельно проверить любой приводимый мной

факт, а мне — отсылать всех заядлых спорщиков к тому, с чем спорить может только идиот.

Судя по всему, мои факты, аргументы и логика были достаточно убедительными, так как по Сети тексты бесед распространялись со скоростью степного пожара, вызывая в душах одних людей благодарность, а в душах других — ненависть. Многие комментаторы не иначе как «скандальными» их не называли. Однако, несмотря на разразившуюся вокруг них бурю эмоций, опровергнуть приводимые мной факты и вытекающие из них выводы никто из «правильных украинцев» так и не смог. Украинские интеллектуалы предпочитали беседы игнорировать. Замалчивание — наиболее оптимальная реакция в Украине на неуместную правду.

Впрочем, сдается мне, что мои труды были не напрасными.

Андрей Ваджра
Киев. Октябрь 2014

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Что такое «украинская нация»

Первые ваши статьи появились в Интернете в августе 2005 года. Причем на начальном этапе вашего творчества почти все они были написаны в рамках цикла «РАСПАД». В связи с этим первый вопрос напрашивается сам собой: откуда взялось такое странное название? Где в первой половине 2005 года, когда у украинских граждан после победы «оранжевой революции» был пик эйфории, массового энтузиазма и надежд на лучшее, вы увидели процессы распада Украины?

Вы знаете, все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Я не хотел бы ситуацию в Украине сводить к примитивным схемам политической пропаганды, выдаваемой за глубокий политологический анализ. Даже «оранжевая революция» это не причина, а следствие распада. Она его закономерный этап. Процесс распада Украины начался не во время «оранжевой революции» и даже не во времена Кучмы. Маховик разрушения Украины был запущен 24 августа 1991 года.

Прошу прощения, я так понимаю, вы имеете в виду события августовского путча ГКЧП 91-го?

Вы почти угадали. Почти... Я имею в виду день провозглашения независимости Украины.

Вы хотите сказать, что распад Украины начался в момент провозглашения ее независимости?

Да.

Несколько неожиданное утверждение... И чем же это было вызвано? Почему Украина обречена на распад?

Все достаточно просто. Дело в том, что «Украина» — это сугубо советский проект. Если бы не железная воля большевистской партии, если бы не ее так называемая национальная политика, ни «Украины», ни «украинцев» просто не было бы.

А что было бы?

Если бы не был нарушен естественный ход развития России, вместо нынешней Украины были бы малороссийские губернии России и малороссийская ветвь русского народа. Проще говоря — юго-западный край России.

За такие слова вас классифицируют как великодержавного русского шовиниста не только на Украине, но и у нас, в России.

Безусловно. Сейчас любое отклонение от официальной, казенной версии украинской истории, которая методично навязывалась народу последние 16 лет, будет квалифицироваться как происки врагов и идеологическая диверсия. Но кроме политической мифологии существуют еще исторические факты. Они могут кому-то нравиться, а кому-то не нравиться, но от этого они не перестают быть фактами.